

Содержание

Предисловие к русскому изданию · 9

Введение · 15

Одной ногой внутри, другой – снаружи: мои отношения с мейнстримной экономикой · 17; Критический взгляд – в защиту капитализма · 28; Бесконечная работа · 31

ЧАСТЬ I. ИННОВАЦИИ И ДИНАМИЗМ

Введение · 37

I–1. Капитализм, социализм и технический прогресс · 40

1.1. Революционно новые продукты · 40; 1.2. Следом за первоходцами – распространение обновлений · 46; 1.3. Инновационное предпринимательство при капитализме · 49; 1.4. Невозможность инновационного предпринимательства при социализме · 57; 1.5. Политические факторы и технический прогресс · 63; 1.6. Первые итоги: системы и технический прогресс · 64

I–2. Преобразование (трансформация) и ускорение технического прогресса · 67

2.1. Предприниматели-новаторы · 68; 2.2. Ускорение распространения инноваций и гонки за лидером · 69; 2.3. Сози-дательное разрушение · 74

I–3. Отражение исторической действительности в сознании людей · 81

3.1. Базовое явление – отсутствие понимания · 81; 3.2. Ответственность экономистов · 85; 3.3. Ответственность поли-

тиков · 88; 3.4. Взаимосвязанность (interconnectivity) и демократия · 90

Заключение · 96

ЧАСТЬ II. ЭКОНОМИКА ДЕФИЦИТА — ЭКОНОМИКА ИЗБЫТКА

Введение · 101

Общие впечатления · 101; Прояснение понятий в первом приближении · 104; Подход, используемый в работе: место в экономическом дискурсе · 105; Предварительный обзор границ предмета исследования и структуры · 107

II–1. Рынок товаров и услуг: механизм воспроизведения избытка · 109

1.1. Пример из истории экономики: американская система телефонных коммуникаций · 109; 1.2. Процессы, связанные с предложением · 113; 1.3. Процессы, связанные со спросом · 124; 1.4. Процесс ценообразования · 126

II–2. Рынок товаров и услуг: понятийный аппарат и методика измерения · 129

2.1. «Чистые», простые случаи · 129; 2.2. Первая сложность: постоянное взаиморегулирование спроса и предложения · 138; 2.3. Вторая сложность: параллельное наличие избыточного предложения и избыточного спроса · 141; 2.4. Отклонения: обзор препятствий для производства и микроограничения по производству · 142; 2.5. Третья сложность: как разграничить «необходимые» и «избыточные» запасы · 145; 2.6. Четвертая сложность: неоправданное агрегирование (aggregation) · 149; 2.7. Практические предложения в отношении измерений и понятийного аппарата · 152; 2.8. Формирование синтетических, композитных показателей · 154

II–3. Рынок рабочей силы: механизм воспроизведения избытка · 156

3.1. Прояснение понятий и измерений · 156; 3.2. Потрясение на рынке труда, вызванное сменой системы · 161; 3.3. Кейнсианская безработица · 167; 3.4. Структурная безработица · 171; 3.5. Несогласованное регулирование, фрикционная безработица и поиск · 173; 3.6. Сдельная оплата труда · 177

II-4. Позитивное описание и причинно-следственный анализ · 181

4.1. «Равновесие» как понятие – можно ли его использовать · 181; 4.2. Асимметрия · 188; 4.3. Общая характеристика двух новых режимов рынка · 191; 4.4. Капиталистическая система генерирует экономику избытка: причинно-следственная цепочка · 197; 4.5. Генетические тенденции · 203

II-5. Экономика избытка: влияние и оценка · 208

5.1. Последствия и оценки · 208; 5.2. Инновация · 209; 5.3. Суверенитет потребителя и манипуляции · 210; 5.4. Производительность и координация · 212; 5.5. Адаптация · 214; 5.6. Равенство · 214; 5.7. «Материализм» и «духовные ценности» · 216; 5.8. Направление коррупции · 217; 5.9. Преимущества и недостатки капиталистической конкуренции на примере автомобильной промышленности · 218; 5.10. В защиту капитализма и экономики избытка · 222; 5.11. Возможности и границы теоретического синтеза · 226; 5.12. Потребность в математических моделях, обладающих объяснительной силой · 232

II-6. Отклонения от общей схемы · 235

6.1. Колебания экономического цикла · 235; 6.2. Военная экономика · 243; 6.3. Исторические перемены, устойчивые тенденции в современном капитализме · 244; 6.4. Рыночно ориентированные реформы при социализме и постсоциалистический переход · 256

Заключение · 267

ЧАСТЬ III. LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ

Введение · 271

III-1. Liberté · 273

1.1. Политические права, права человека · 273; 1.2. Право свободы предпринимательства, свободного вхождения на рынок, защиты частной собственности · 276; 1.3. Свобода выбора товаров и услуг · 276

III-2. Égalité · 281

III-3. Fraternité · 288

III-4. Прогноз? · 297

ЧАСТЬ IV. МАРКС ГЛАЗАМИ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

- Введение · 303
- IV-1. Почему я увлекся Марксом... · 306
- IV-2. ...и почему разочаровался в марксистских идеях · 310
- IV-3. Интеллектуальная ответственность за социалистическую систему · 314
- IV-4. Что из учения Маркса продолжает жить · 322
- Библиография · 328
- Указатель имен · 343

Предисловие к русскому изданию

Надеюсь, моя новая книга вызовет резонанс не только в умах, но и в сердцах российских читателей.

В сборник вошли четыре работы. Предмет первого исследования — *инновация*. Важнейшее свойство капиталистической системы в сфере экономики — это сильнейший стимул, который она создает для развития инновационных процессов. Во времена социализма в Советском Союзе тоже было немало выдающихся изобретателей и ученых, блестящих умов, но результаты их интеллектуальных достижений не находили массового практического применения и широкого коммерческого использования.

Я не раз пересматривал шедевр Тарковского — фильм «Андрей Рублев»; каждая сцена этого фильма вызывает у зрителя самые разнообразные мысли. Как-то раз во время просмотра во мне взыграл экономист. В первой сцене русский крестьянин Ефим сооружает примитивный воздушный шар и взлетает. «Лечу, лечу!» — кричит он с восхищением. Через несколько минут полета Ефим падает вниз. Этот эпизод мог бы служить символом выдающейся русской творческой энергии, новаторской смелости и трагического провала.

В эпизоде «Колокол» великий князь хочет отлить колокол, но все, кто владел этим непростым мастерством, умерли. Бориска, сын знаменитого литейщика, утверждает, будто отец раскрыл ему секрет колокольной меди, получает разрешение и принимается за работу. Если к художественному произведению, изображающему сюжет

из средневековой истории, можно применить современную экономическую терминологию и это не будет воспринято как богохульство: Бориска — истинный инноватор, он соединяет и заставляет работать материальные ресурсы, людей и интеллектуальный потенциал — профессиональное знание. Он истинный гений организации. И одновременно с этим — технический гений, ведь в финале выясняется, что отец никакого секрета ему не передавал и юноша сам почувствовал, как надо выполнить это невероятно сложное задание. Колокол издает звон, князь и двор уезжают праздновать, а Бориска остается один и начинает биться в истерике. Конечно, речь не об эпохе Билла Гейтса и Стива Джобса, когда гениального инноватора защищают слава и почет и он становится очень богатым человеком.

Сегодня в России функционирует капиталистическая система. Я с нетерпением жду работ российских коллег о том, что происходит в стране сейчас. Повторяют ли русские инноваторы судьбу Ефима и Бориски, или уже стали появляться Биллы Гейтсы и Стивы Джобсы?

Второе исследование — самая объемная часть книги и, по моему внутреннему рейтингу, — самая важная. В ней я противопоставляю социалистическую экономику (характерные черты: экономика дефицита, преобладание явлений избыточного спроса) и капиталистическую (ключевые характеристики: экономика избытка, преобладание явлений избыточного предложения). Когда я представляю эту пару оппозиций экономистам, живущим в западных странах, многие реагируют словами: «Да, при социализме был хронический дефицит. Первая часть утверждения соответствует действительности. Но зачем называть состояние рынка в капиталистической системе экономикой избытка? У нас, если исключить колебания большей или меньшей амплитуды, между спросом и предложением наблюдается равновесие». Они настолько привыкли к избытку, который присутствует в капиталистической рыночной экономике повсюду, что ощущают это состояние как «равновесие».

Я в большей степени рассчитываю на понимание со стороны российских экономистов, по крайней мере тех, кому за сорок, — они на собственном опыте успели почувствовать, что такое экономика дефицита, и в период смены системы пережили момент, когда до этого пустые полки чуть ли не по мановению волшебной палочки заполнились товарами и с тех пор предложение только продолжает расти.

Вспоминаю, как во время последней моей поездки в Ленинград, незадолго до возвращения городу исторического имени, мы жили в прекрасной гостинице для иностранцев. Икру там можно было купить в любом количестве. Мы купили порцию и отнесли в номер, а затем отправились в город купить белого хлеба; заходили из булочной в булочную, но хлеба так нигде и не нашли.

И эта история не представляется чем-то исключительным. Советский Союз на пороге реформ являл собой яркий пример экономики дефицита: зияющие пустотой полки в гастрономах, скучный ассортимент в магазинах промтоваров. Людям часто приходилось стоять в очередях, если в магазин вдруг привозили что-нибудь посимватичнее. Дефицит на жилье был ужасающий, чужие друг другу семьи были вынуждены вместе прозябать в коммуналках. Покупателям приходилось годами ждать возможности купить автомобиль или разрешения провести в квартиру телефон.

Когда я вновь приехал в Россию спустя несколько лет, то меня ждала совершенно иная картина. В универмагах и небольших магазинах все было совершенно таким же, как в условиях любой другой рыночной экономики — изобилие ассортимента, товаров намного больше, чем покупателей. Желающему купить автомобиль уже не надо годами ждать очереди. Конкурирующие между собой телефонные компании наперебой уговаривают людей воспользоваться их услугами. Квартиру можно легко купить или снять — были бы деньги.

За довольно короткий с исторической точки зрения период российская экономика перескочила из состояния дефицитной экономики в экономику избытка. Причинам и последствиям этого недавнего и поддающегося

непосредственному наблюдению радикального сдвига посвящена вторая часть исследования. Каким образом все это повлияло не только на жизнь потребителей, но и на производство, как доходы воздействуют на имущество и право им распоряжаться? Самое важное последствие — тот факт, что в производстве присутствуют избыточные мощности и обширные запасы, а производители и продавцы борются за покупателей, — сразу дает сильнейший стимул для развития инновационных процессов. Здесь круг тем во второй части расширяется и делается попытка проанализировать преимущества и недостатки социализма и капитализма.

В названии третьей части процитирован лозунг Великой французской революции: *Свобода, Равенство, Братство*. Насколько мы, жители бывшего социалистического пространства, приблизились к этим великим целям, и все же насколько по-прежнему далеко мы от них находимся? В книге я попытался подвести некоторые итоги, но, главным образом, с точки зрения стран Центральной и Восточной Европы. Задача российских коллег — основательно и бесстрашно переосмыслить непростые дилеммы, обозначенные в работе, применительно к собственной стране; необходимо вновь поразмышлять о политической и экономической свободе, о равенстве или неравенстве при распределении доходов и имущества, об общественной справедливости и солидарности.

Четвертая часть обращена к теоретическому наследию Карла Маркса. В начале своей научной карьеры я был приверженцем марксизма, но впоследствии отошел от этой системы взглядов. Что подтолкнуло меня к глубокой идейной трансформации? Несет ли Маркс идеологическую и интеллектуальную «ответственность» за социалистические режимы, созданные под руководством коммунистических партий? Что в его учении не выдержало проверку временем, а что из теоретических выкладок Маркса может с успехом использовать современный экономист, исследователь общества? На эти вопросы я старался ответить в заключительной части книги (между прочим, в третьей части я тоже не раз обращаюсь к идеям Маркса).

Все, без исключения, представители старшего поколения российских экономистов так или иначе прошли «фазу марксизма», ведь марксистская политэкономия была обязательна к изучению. У меня этот период начался в 1945 году, а в 1956-м я открыто заявил, что не считаю себя марксистом. Смею предположить, что у многих российских коллег эта фаза длилась куда дольше; наверняка остались те, кто и сегодня называет себя марксистами. Руководствуясь принципом свободы мысли, никто не может оспорить их право самим выбирать мировоззрение и интеллектуальное направление, с которым согласуются их собственные взгляды. Тем не менее для старшего поколения, сталкивающегося с необходимостью пересмотреть свое отношение к Марксу и марксизму, может пригодиться знакомство с критическими замечаниями одного венгерского экономиста.

Не только старшим коллегам, но и молодым имеет смысл переосмыслить идеи Маркса. Многие уже участвуют в западных университетах или знакомились с теорией экономики по учебникам, написанным с позиций так называемой мейнстримной экономики. В глазах многих проповедников этого направления Маркс остается «нечеловеком», давно почившим экономистом, который неверно понимал мир, чьи труды не имеют никакого отношения к современному человеку. Огромное заблуждение! Надеюсь, заключительная часть сумеет пошатнуть скептицизм и самоуверенность молодежи и сподвигнет кого-нибудь из читателей вновь обратиться к теоретическим взглядам Маркса. Уверен: у Маркса и сегодня есть чему поучиться; у него немало мыслей, совершенно зрелых новаторских теоретических идей, которые не потеряли актуальности и сегодня.

* * *

Выражаю благодарность Институту экономической политики им. Е. Т. Гайдара за готовность издать русский перевод моей книги. Я очень уважал Егора Гайдара. Хорошо помню нашу первую личную встречу, задолго до краха советской империи. Он пришел ко мне в гостиницу, где

я остановился в качестве участника международной конференции. В начале разговора Гайдар дал мне понять, что в гостинице не стоит обсуждать серьезные вопросы — он явно опасался прослушки. Прогуливаясь по парку, мы беседовали — очень искренне — о перспективах социализма. Он хорошо знал мои работы и не раз отмечал, что они существенно повлияли на его образ мыслей. Впоследствии мы не раз встречались — то в Москве, то в Гарвардском университете, где я преподавал, а Гайдар выступал в качестве приглашенного лектора. Он неустанно работал над тем, чтобы в России утвердились демократические и политические свободы, эффективно заработала капиталистическая рыночная экономика. Увы, его уже нет с нами, и это большая потеря; для меня было бы большой честью и радостью, если бы мою новую книгу мог представить Егор Гайдар.

Я благодарен факультету свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета и лично Даниле Раскову. Без его инициативы и деятельной поддержки эта книга не состоялась бы.

И наконец, хочу сказать спасибо Оксане Якименко, которая ранее уже перевела мою автобиографию «Сильй мысли» (по мнению моих друзей, перевод получился очень удачный), а теперь выполнила перевод и этой книги. За годы знакомства отношения автор — переводчик успели перерастти в настоящую интеллектуальную дружбу. Приятно осознавать, что у меня в России есть такие друзья, как Оксана.

С волнением жду, как отнесутся к этой небольшой книге российские читатели.

*2012 год, апрель
Венгрия, Будапешт
Янош Корнаи*

Введение

Самые разнообразные чувства и мысли подтолкнули меня к тому, чтобы посвятить эту книгу прежним, нынешним и будущим студентам и преподавателям Колледжа (колледжа) имени Ласло Райка¹. Десятилетия совместной работы связали нас множеством нитей. Я с удовольствием «репетировал» свои лекции в Колледже — анализ того, как реагировали на мои выступления слушатели Колледжа, помогал мыслям обрести более зрелую форму. Среди тех, кто сотрудничал со мной в качестве научных ассистентов, почти все, за небольшим исключением, были слушателями Колледжа². По-

-
1. Колледж имени Ласло Райка — колледж при Университете Корвина в Будапеште, с одной стороны, и автономное учебное заведение, демократическое сообщество студентов — с другой. Основан в 1970 году в рамках Экономического университета им. Карла Маркса (прежнее название университета Корвина). Старейшее учебное заведение подобного типа в Венгрии, образец для создания аналогичных колледжей при других университетах страны. В 1970–1980-е годы Колледж играл важную роль в политической жизни Венгрии, выступая в качестве организатора различных политических форумов, где могла выступать оппозиция. Колледж носит имя Ласло Райка — видного коммунистического деятеля, одного из организаторов венгерского сопротивления во время Второй мировой войны, а впоследствии — члена коммунистического правительства, министра внутренних, а затем иностранных дел. В октябре 1949 года Райк был казнен по обвинению в шпионаже после показательного процесса; реабилитирован в 1956 году. — *Прим. пер.*
  2. Среди тех, кто долгие годы самоотверженно помогал мне, хочу, в первую очередь, выделить Марию Ковач и Агнеш Бенедикт.

мимо непосредственных рабочих связей, я не раз получал ценные консультации от преподавателей и выпускников этого учебного заведения, которые впоследствии заняли различные посты в политической, экономической и научной сфере. «Семинар по дефициту», организованный Аттилой Чиканом для слушателей Коллегиума в 1980-е годы дал серьезный толчок для распространения моих идей, связанных с критикой социалистической системы.

Но не только личные привязанности побудили меня посвятить книгу именно этому учебному заведению. В кадаровские годы в Коллегиуме имени Райка студентов приучали к интеллектуальной независимости, критическому восприятию «официальных» учений, открытости в отношении новых идей. И этот дух не умер, он продолжает царить в сообществе людей, которые, к счастью, ни в прошлом, ни в настоящем не были и не будут одиночки. Упоминание Коллегиума в самом начале несет символический смысл: мне бы хотелось обратить внимание молодого поколения на этот пример. Сборник составлен, в первую очередь, для тех, кто изучает экономику, и среди них—для тех, кто готов критически оценить учебные материалы, предлагаемые для обязательного изучения, и, помимо основательного анализа обязательной литературы, ознакомиться с альтернативными взглядами.

Кроме того: было бы недурно, если бы эту книгу взяли в руки не только любопытствующие студенты, но и их преподаватели, независимо от того, согласны они или нет с моими мыслями, изложенными в других моих работах. И уж если расширять круг потенциальных читателей, неплохо бы добавить к нему специалистов по другим общественным наукам, в первую очередь социологов, политологов и тех, кто занимается современной историей. Я старался формулировать мысли

В разное время со мной работали Цецилия Хорнок, Юдит Хюркец, Габор Иван, Моника Лукач, Балаж Муракези, Ласло Муракези, Эстер Надь, Йожеф Палфи, Ноэми Петер, Дердь Зух, Каталин Сечи и Янош Иштван Тот. Все эти молодые люди имели характер, но всех их отличала интеллигентность, жажда знаний, совестливость. Обо всех я вспоминаю с теплом и любовью.

так, чтобы тексты были понятны и тем «продвинутым» читателям, которые не обладают специальной экономической подготовкой, но интересуются экономикой и общественными процессами. Если какая-то часть текста более специального характера покажется им сложной для понимания, ход рассуждений и выводы можно понять, даже выпустив такую часть.

одной ногой внутри, другой – снаружи: мои отношения с мейнстримной экономикой

После смены режима в венгерской высшей школе студентам экономических специальностей стали преподавать теоретические дисциплины (экономическую теорию, микро- и макроэкономику) на основе теоретической системы и метода, которые принято называть мейнстримом³. Нам известны ученые и образовательные центры, работающие исключительно в рамках этой школы, в иных местах речь о конкурирующих направлениях заходит, но их влияние задавлено мейнстримом.

Мейнстримной экономике удалось так быстро распространиться по нескольким причинам, из которых упомяну лишь несколько – не по порядку и не по степени важности. Ключевыми факторами стали: высокая объяснительная способность элементов традиционной теории, строгая логика, элегантность и «красота» математических моделей, убедительное эмпирическое подтверждение многочисленных положений посредством современных математических и статистических методов; словом,

---

3. В задачи введения не входит описание основных характеристик мейнстримной экономики. Но даже если бы я попытался это сделать, то ступил бы на крайне зыбкую почву, ведь даже среди тех, кто находится внутри профессии, нет единого мнения относительно границ между «ортодоксами» и «еретиками». В процессе ознакомления с частями I и II читатель сможет получить ориентиры, которые помогут ему разобраться в концепции мейнстрима. Ранее для обозначения этой школы использовали термин «неоклассическая теория», однако теперь чаще встречается термин «мейнстрим», который охватывает более широкий спектр экономических взглядов.

интеллектуальная привлекательность. Сильное впечатление произвел пример кафедр экономики в крупных западных, в первую очередь американских университетах. Молодое, хорошо подготовленное, талантливое поколение студентов, которые получили свои докторские степени в этих университетах, уже не нуждалось в «перепрограммировании» экономического сознания, им не надо было «переходить» с Маркса на Самуэльсона и Фридмана, ведь в их головах уже изначально были заложены основы и аналитические методы мейнстримного учения.

Эта школа сумела завоевать искренних сторонников не только в молодежных кругах, но и среди представителей старшего поколения, многие из которых начали пересмотр собственных идей до 1989–1990 годов. Еще до смены системы эти экономисты – ученые и преподаватели – глубоко разочаровались в пустых, неопределенных и недоказуемых умозаключениях, в догматизме, который исключал любое соотнесение убедительной аргументации и теоретических положений с реальностью. В их представлении преподавание марксистско-ленинской политэкономии ассоциировалось с «востоком», а мейнстримная экономическая наука – с «западом», поэтому они и были готовы всем сердцем воспринять последнюю. Многие уже заранее основательно ознакомились с корпусом современного мейнстрима, и лишь политические обстоятельства не давали им широко и открыто преподавать экономику в данном ключе.

У многих преподавателей искреннее убеждение подогревается интеллектуальным высокомерием. Они презирают всех, кто находится вне основного направления, объясняя маргинальность остальных (и, признаемся, нередко делают это с полным правом) тем, что не мейнстримные экономисты не сумели овладеть современными знаниями и аналитическими методами и прикрывают свое невежество «альтернативными» умствованиями. Новоиспеченные приверженцы мейнстрима с энтузиазмом неофитов изгоняют всех, кто думает иначе, и даже внутри самого течения возникают все новые и новые направления.

Как соотносятся мои работы, включая данную книгу, с мейнстримом? Обычно я говорю, что одной ногой

стою в мейнстриме, а второй – за его пределами. Я с уважением отношусь к объяснительной силе традиционных теорий и считаю работоспособными предлагаемые ими аналитические методы. В то же время я не считаю, что этот теоретический подход позволяет объяснить *любое* важное явление в экономике, а утверждения о его *универсальности* далеки от истины. Работы, выполненные в духе мейнстрима, проливают свет на важнейшие взаимосвязи, однако полученные результаты лишь частично соответствуют истине.

В своих исследованиях я многое заимствую из идей мейнстримной экономики и в то же время расхожусь с ней по ряду существенных вопросов. Читатель найдет в книге примеры и того, и другого. Я ни на минуту не хотел бы заставить кого-то думать, будто собираюсь, говоря языком картежников, – «козырять» перед экономическим мейнстримом. Я всего лишь пытаюсь заменить одну частичную истину другой (по моему мнению, более убедительной) или дать новые ответы на вопросы, оставленные традиционной теорией без ответа.

В конце части II я привожу красивую индийскую притчу о господине, который призвал к себе слепцов и приказал им описать слона. Один слепец пощупал ноги животного и сказал, что слон похож на толстую колонну, второй схватил слона за хобот и сравнил с мягкой, тонкой и гибкой трубой.

«Ортодоксальные» представители мейнстрима и «еретики» от экономики ощупывают разные участки гигантского тулowiща – сложной конструкции современной экономики. Во введении мне хотелось бы суммировать результаты того, что удалось «нащупать» мне лично.

1. Социализм и капитализм в сравнении. Анализ социалистической системы стал для меня не просто темой исследования, каковой он является для западного советолога или китайского специалиста. Я жил в ней, будучи гражданином социалистической страны: сначала как восторженный сторонник, а затем в роли разочаровавшегося критика, интеллектуального бунтаря. Я на себе испытал, как работает система, и это пополнило те сведения,

которые мне удалось накопить в качестве исследователя. Начиная с 1960-х годов я проводил немало времени в капиталистических странах, причем ездил туда не в кратковременные турпоездки, а надолго — как преподаватель и ученый. Так я получил возможность познакомиться изнутри и с другой системой. Постоянное сравнивание социализма с капитализмом по самым разнообразным параметрам стало для меня привычной мыслительной рутиной. Подобная практика раскрыла мне глаза на такие сходства и различия, симметричные и асимметричные характеристики, которые ускользают от внимания тех, кто живет в условиях лишь одной системы. Для мейнстримного экономиста капитализм — главная экономическая система, а не одна из исторически возможных систем. Такой специалист может с интересом читать в газетах новости о мире за железным занавесом или о холодной войне, но как пища для исследовательского ума эта часть мира не представляет интереса. Притом что в кульмиационный период существования социалистической системы треть населения Земли жила при социализме, типичный западный экономист не видел в социализме ничего, кроме выродившейся формации, уродца, который не заслуживает внимания со стороны ученого, занятого изучением «нормального» мира. Уверен, что последовательное сравнение социалистической и капиталистической систем послужит убедительным уроком и в наши дни, когда первая система уже отошла в прошлое, а будущее есть только у второй — надеюсь, данный сборник сумеет это продемонстрировать. Выводы и уроки дополнят материал, который уже удалось собрать экономистам, работающим внутри капиталистической системы.

2. Анализ уроков, полученных в процессе постсоциалистического перехода. Считаю, что мне повезло дожить до развала советской империи и перехода от социалистической системы к капиталистической. Среди великих трансформаций (по определению Карла Полани) мировой истории это была одна из самых важных и захватывающих. Мы, восточноевропейские экономисты, сумели не только стать объектами (выигравшими или проиг-

равшими) неповторимого исторического эксперимента, но одновременно наблюдать и исследовать его. Эксперимент этот проводился не в лаборатории, в искусственно созданной среде, но *in vivo* — на живых людях, живом общественном организме. Теоретиков мейнстрима этот эксперимент не слишком заинтересовал; у них почти нет работ, в которых они ссылались бы на личный опыт. Я же со своей стороны стремился держать ухо востро: следить, как меняется соотношение сил на рынке, как трансформируются интересы и поведение людей, системы связей между ними, как трансформируются явные и тайные стимулы. Мы могли исходя из непосредственных наблюдений, эмпирическим путем анализировать такие изменения, которые типичные мейнстримные экономисты-теоретики изучают с помощью теоретических моделей, симуляционных вычислений или искусственных экспериментов. По моему убеждению, анализ этого уникального и захватывающего эксперимента обогатит новыми данными не только экономику, но и все сферы общественного знания.

3. Системная парадигма. Как и в прежних работах, на первый план моего исследования здесь выходят «большие» системы. Ранее я уже назвал этот подход системной парадигмой (Kornai, 2007, глава 8). Процитирую название одной из книг выдающегося историка теоретической мысли Чарльза Тилли, где лаконично изложены основные предметы его исследований: «Большие структуры, значительные процессы, гигантские сравнения» (Tilly, 1984). Такие структуры, процессы огромной силы и всеобъемлющие сравнения интересуют и меня. Именно эти «большие» картины, мощные контуры растворяются, теряют насыщенность в работах мейнстримных экономистов, особенно в их бледных учебных вариантах; вместо этого на головы учащихся вываливаются тонны тщательно выписанных деталей.

4. ПЕРЕСМОТР ОПИСАНИЯ РЫНКА. Особое внимание в сборнике уделяется связям между производителем и потребителем, продавцом и покупателем. Картина, которая остается в голове у студента после изучения

курса микроэкономики, представляется мне излишне упрощенной. Проблема не в том, что проектор преподавателя высвечивает на экране абстрактные модели — любая теория заставляет сводить все к абстракции. Беда в том, что стандартные модели игнорируют важные характеристики, и в результате в голове остается искаженная картина. Я стремился обрисовать более достоверную картину рынка, дополняя представления мейнстримной экономики и нередко вступая с ними в спор. Я могу этим заниматься, имея за спиной совершенно иной опыт. Мне довелось испытать дефицитную экономику социализма, поэтому я иначе воспринимаю изобилие, принесенное капитализмом. Мне известно, что означают с точки зрения функционирования рынка частная собственность и конкуренция производителей и продавцов, ведь мне известен механизм распределения, при котором блага раздает бюрократия.

5. Позитивный и нормативный подходы. Насколько это возможно, я стараюсь разделять *позитивное* описание ситуации, анализ ее структуры и фиксацию причинно-следственных связей и *нормативный* подход. Это, между прочим, не противоречит главной теоретической отправной точке мейнстрима. Тем не менее многие экономисты магистрального направления не склонны системно чередовать в своих работах позитивный и нормативный подходы. Они приводят самые разные отговорки: например, утверждают, будто «научным» может считаться только позитивный анализ, а нормативный подход следует оставить политикам или философам. Другие открыто сознаются, что необходимость представлять свои взгляды в рамках подобной оппозиции кажется им скучной, поэтому они предпочитают ее игнорировать. Попадаются экономисты, которым не хватает духу признать, к каким этическим последствиям ведут их идеи. Или же, прояснив собственную нормативную позицию в тиши рабочего кабинета, не могут набраться храбрости изложить ее на бумаге. Я определил себе за правило до конца продумывать последствия позитивного анализа с точки зрения осуществления ценностей более высокого

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru